

дицию, которая обретает полную силу в век бурного развития научной мысли.

В 1920 г. в предисловии к «Назидательным новеллам» Мигель де Унамуно рассуждал о том, что является в человеке самым сокровенным, самым реальным. В хорошем литературном произведении личность предстает в трех ипостасях — как она есть в действительности, как она представляется себе самой, как ее видит другая личность. Есть, следовательно, три Хуана; если Хуан беседует с Томасом, в разговоре участвуют шесть человек (ибо кроме реального Томаса есть также идеальный Томас Томаса и идеальный Томас Хуана). Таким может быть высшее достижение психологизирующей прозы.

«Но я пойду несколько иным путем, — пишет далее Унамуно, — ... Я утверждаю, что кроме той личности, которая предстает, скажем, пред очи господа — если пред очи господа вообще предстает какая-либо личность, — кроме той личности, которая предстает перед другими, и той, которая предстает перед собой самой, есть еще и иная — та, которая хотела бы существовать. Именно та личность, которая хотела бы существовать, и есть (в ней самой, в ее душе) настоящее творческое начало и настоящая реальная личность... Человек как активное побудительное начало — ведь существует только то, что активно действует, — это тот, кто желает быть или не быть, то есть творец. Только тот человек, которого мы могли бы называть, пользуясь кантианской терминологией, ноуменальным, только носитель идеала и воли — идеи-воли или силы — должен жить в феноменальном, рациональном мире, в мире внешних проявлений»¹⁴.

Речь идет о сознании, которое, согласно материалистической диалектике, не только отражает мир, но и творит его. Философия изучает сознание в чистом виде, отвлекаясь от «внешних проявлений». Сближаясь с наукой, некоторые виды искусства стремятся к тому же. Полностью освободиться от «внешних проявлений» нельзя. Ограничивая их до минимума, искусства добиваются дополнительной выразительности.

Все имеет свою предысторию, ничто не рождается на пустом месте. Русская классика вынашивала и эти тенденции. М. Бахтин обратил внимание на то, что для Достоевского важен не сам герой, а его самосознание, взятое притом в движении, в неопределенности, в незавершенности. Перед читателем Достоевского возникает именно тот «четвертый Хуан», о котором говорил Унамуно. «Но чужие сознания нельзя созерцать, анализировать, определять как объекты, как вещи — с ними можно только диалогически общаться. Думать о них — значит говорить с ними»¹⁵. Эта литературоведческая метафора реализуется у Унамуно в виде разговора автора и героя. В конце романа «Туман» дон Мигеля де Унамуно навещает его персонаж дон Аугусто Перес; в ходе беседы автор признается: «Мои монологи — всегда диалоги».

Пойдем, однако, дальше, в глубь русской классики. Передо мной книга забытая, но достойная пристального внимания — С. И. Данелиа «О философии Грибоедова». Обращение грузинского автора к грибоедовской теме не случайно: каждый, побывавший в Тбилиси, помнит могилу поэта в Пантеоне у подножья Мтацминды, помнит эпитафию:

Ум и дела твои бессмертны
В памяти русской,
Но для чего пережила тебя
Любовь моя!

Дела Грибоедова изучены довольно подробно, пишет Данелиа, но нельзя то же утверждать относительно его «ума», т. е. мировоззрения или философии в широком смысле, и ставит перед собой задачу исследовать имен-

¹⁴ Де Унамуно Мигель. Назидательные новеллы. М.—Л., 1962, с. 112, 113.

¹⁵ Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1972, с. 116.